

© 1992 г. УЛУХАНОВ И. С.

МОТИВАЦИЯ И ПРОИЗВОДНОСТЬ

(О ВОЗМОЖНОСТЯХ СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА)

0. Синхронно-диахроническое описание языка — гораздо менее распространенный тип описания по сравнению с чисто синхронным или чисто диахроническим. Синхронно-диахроническим описанием целесообразно считать не механическое соединение в одном описании фактов истории языка и его современного состояния, а выявление их соотношения и взаимодействия и прежде всего того, в какой мере синхронные связи между существующими явлениями отражают процесс развития одного явления из другого. Актуальной задачей такого описания является указание особенностей организации синхронной системы языка, которые «в святом виде» отражают процессы развития языковых единиц или, наоборот, не соответствуют этим процессам.

Возможно такое синхронно-диахроническое описание языка (и в частности, его словообразовательной системы), в котором каждая существующая синхроническая связь получила бы диахроническую интерпретацию. В таком описании были бы представлены диахронические причины ослабления или разрыва связи между явлениями, например, между диахронически однокоренными, но синхронно слабо связанными словами, составляющими большую зону «полумотивированных» слов, промежуточную между мотивированными и немотивированными словами.

Исследования, в которых один и тот же материал (в нашем случае — словообразовательный) рассматривался бы одновременно с синхронной и диахронической точек зрения, весьма немногочисленны (ср. [1—4]). Синхронное и историческое словообразование изучались изолированно друг от друга, и это оставляло в стороне интересные теоретические проблемы соответствия или несоответствия синхронных связей и исторических процессов.

Синхронно-диахроническое описание принципиально отличается от генеративного описания словообразования (ср., например [5—7]) и от словообразовательного синтеза. Эти два направления [при всем их различии (см. [8, с. 18-21]) представляют синхронную структуру языковой единицы как результат преобразований над единицами той же синхронной системы, осуществленных в процессе формирования высказывания [9]. Конструируемые в генеративных описаниях на основе синхронных связей абстрактные структуры иногда, как известно, совпадают либо с реальными структурами прошлого, либо с диахроническими реконструкциями. Такое совпадение лишней раз демонстрирует возможность изоморфизма синхронных связей и диахронических преобразований.

Описание, фиксирующее наличие или отсутствие этого изоморфизма, имеет важное значение: оно способствует более глубокому познанию как синхронных явлений, так и диахронических процессов. Непременным условием такого описания является, с нашей точки зрения, строгое разграничение синхронных фактов языка и фактов языкового прошлого.

Смешению этих фактов способствует, в частности, то обстоятельство, что многие явления диахронии и их «снятые» отражения в синхронии на-

зываются одними и теми же терминами, которые могут быть либо диахроническими по своей внутренней форме («словообразование», «способ словообразования», «усечение», «чередование» и т. п.), либо синхроническими («структура слова», «словообразовательная связь», «соотношение», «тип», «гнездо», «парадигма», «цепочка»). Неопределенно и субъективно используются такие «полутермины», как «прозрачность», «сближение» и т. п.

Важнейшими понятиями синхронного и исторического словообразования являются понятия, до недавнего времени называвшиеся одним диахроническим термином — «производность». В последние 20—25 лет в большинстве работ по словообразованию разграничиваются диахроническая «производность» (и соответствующие термины «производящий», «производный» и т. п.) и ее синхронный аналог — «мотивация» или «мотивированность» (и соответственно — «мотивирующий», «мотивированный»), хотя некоторые лингвисты продолжают использовать только термин «производность»¹.

Остались в прошлом те времена, когда в работах по словообразованию не различались формально-семантические связи слов в современном языке и пути их образования, когда термины «производное», «образовано от...» употреблялись «диффузно», обозначая, как правило, одновременно и синхронную структуру слова и его словообразовательную историю. В настоящее время большинство лингвистов (в том числе и те, которые терминологически не дифференцируют синхронную структуру и путь образования, используя только термины «производное», «производящее», «производность» и т. п.) теоретически четко различает синхронные связи и диахроническую производность.

Правда, в некоторых работах историков языка (специалистов по историческому словообразованию или этимологии) синхронное словообразование либо вовсе отрицается, либо упрекается в недооценке данных по истории образования слов [11; 12, с. 60—64; 13]. В связи с этим необходимо определить роль этих данных и способы их использования для познания и описания синхронной словообразовательной структуры слова. Данные по истории слов могут быть использованы при научном исследовании и практическом изучении синхронной структуры слов.

Как известно, очень многие причины синхронных явлений существовали в прошлом, но не существуют в настоящем. С синхронной точки зрения нельзя объяснить, почему, например, перед одними суффиксами, начинающимися определенной фонемой, имеет место какое-либо чередование фонем, а перед другими суффиксами, начинающимися той же фонемой, такого чередования не происходит (ср., например, различие предсуффиксальных фонем в случаях типа *рука* — *ручной*, *собака* — *собачник* и *толкать* — *толкнуть*, *горький* — *горкнуть*, объясняемое наличием *ь* в суффиксах *-ьн-*, *-ьник-* и его отсутствием в суф. *-ну-*).

В грамматиках современного языка иногда дается исторический комментарий структуры слов, путь образования которых существенно отличается от устанавливаемых в этих грамматиках синхронных мотивационных отношений; ср. в «Русской грамматике»: «Слова с компонентом *-дей* (*злодей*, *чародей*, *лиходей*, устар. *чудодей*), связанные по структуре корня морфа с такими однокоренными словами, как *деяние* (книжн.), *действ-*

¹ Своеобразная точка зрения представлена в одной из работ О. П. Ермаковой [10, с. 88—93]: анализируя с синхронной точки зрения слова типа *германий* (название химического элемента) и *присобачить*, автор различает производность и мотивированность применительно к явлениям современного языка. Об интерпретации указанных слов см. ниже.

вие, деятель, с точки зрения современного языка мотивированы глаголом *делать*, исторически же образованы от глагола *деять*, ныне устарелого» [14, с. 97]. Возможно создание грамматики современного языка, содержащей последовательный исторический комментарий всех или только нерегулярных описываемых единиц (ср. [15, 16]).

Естественно, что факты истории слова должны при этом рассматриваться как таковые, т. е. как факты другой языковой системы по отношению к изучаемой системе. В противном случае создается неадекватное описание современного языка: факты языкового прошлого фигурируют в исследованиях как факты настоящего.

Синхронная структура слова должна выявляться только на основе сопоставления изучаемых единиц с единицами, имеющимися в современном языке, актуальными для его «рядового» носителя. Привлечение же единиц языкового прошлого, неактуальных для носителя, осуществляемое исследователем языка, в рассматриваемом отношении не отличается от привлечения в научных целях единиц других языков или диалектов, что, как известно, также может способствовать более глубокому познанию закономерностей изучаемого языка. Это требование необходимо соблюдать при изучении языка любой эпохи, а не только современного языка. На практике иногда имеет место перенесение в синхронную систему фактов прошлого, хотя предостережения против этого делались достаточно давно (ср. обзор взглядов ученых конца XIX — начала XX в., данный в [17]). Еще относительно недавно в грамматиках современных языков (см. грамматики В. Дорошевского, Т. Маретича; см. также [18]) можно было найти перечни морфем, в которых исчезнувшие морфемы не отделялись от существующих, а некоторые сторонники синхронно-диахронического метода в современном языке признавали лишь те единицы и их отношения, которые соответствуют генетическим единицам и процессам ([12, 19, 20]; ср. также [21]).

В монографии о способах номинации в современном русском языке [22] в качестве иллюстраций «технических возможностей» номинации довольно часто без каких-либо оговорок приводятся факты и процессы, имевшие место в прошлом и для современного русского языка не актуальные: *зонтик — зонт* (с. 79), *артист* («деятель искусства» — «актер», с. 57), *прихожая (комната) — прихожая* (с. 69), *портной (мастер) — портной* (с. 69), *жаркое (блюдо) — жаркое* (с. 69), *леший (хозяин) — леший* (с. 69), *внука — внучка* и *инока — инокия* (в одном ряду с *раба — рабыня*, с. 72) и др.

К сожалению, в двух наиболее крупных словарях русского языка, отражающих морфемную (не словообразовательную) структуру русских слов нередко объединяются в одно гнездо слова, являющиеся однокорневыми лишь этимологически, и выделяются в качестве морфем такие отрезки, которые с синхронной точки зрения не могут быть вычленены. Так, в словаре Д. Ворта, А. Козака и Д. Джонсона [23] в одно гнездо объединены *печь* и *печаль*, *гореть* и *жар*, *образ* и *резать*, *поле* и *полюй* и многие другие синхронно не однокоренные слова (см. [24]), а в словаре А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой [25] выделены, например, следующие корни: *кол* в *количество*, *кор* в *корыто* и *коряга*, *пещь* в *пещера*, *печ* в *печаль*, *рт* в *артачиться*, *раз* в *образ*, *град* в *наградить*, *пруг* в *супруг* и т. п. В отличие от этих словарей, «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова [26] отражает синхронные словообразовательные отношения слов современного русского языка, но остается актуальной задача создания словаря, отражающего реальную морфемную структуру современной русской лексики.

Известно, что синхронные словообразовательные отношения (мотивация) не всегда аналогичны («изоморфны») пути образования слова (произ-

водности). В литературе рассматривались слова, синхронная структура которых не отражает процессы их возникновения².

В данной статье делается попытка представить типологию отношений между производностью и мотивированностью, свойственных словам современного русского литературного языка. Предлагаемая типология отражает как синхронные свойства слов (наличие/отсутствие мотивирующего, т. е. мотивированность/немотивированность³), так и диахронические (наличие/отсутствие производящего, т. е. историческая производность/непроизводность⁴).

А priori ясно, что все слова с точки зрения наличия/отсутствия у них в современном языке производящего и мотивирующего могут быть разделены на следующие четыре группы: 1) слова, имеющие производящее и мотивирующее; 2) слова, не имеющие производящего, но имеющие мотивирующее; 3) слова, имеющие производящее, но не имеющие мотивирующего; 4) слова, не имеющие ни производящего, ни мотивирующего. Ниже будут рассмотрены данные группы слов.

1. Первая группа (см. ниже схему 1) делится на две подгруппы: слова, у которых производящее и мотивирующее совпадают (раздел 1.1.), и слова, образованные от одного слова, но мотивированные другим (раздел 1.2.).

1.1. Первая подгруппа включает в себя, по-видимому, подавляющее большинство мотивированных слов (*стол — столик, белеть — побелеть* и мн. др.).

При совпадении производящего и мотивирующего не всегда имеет место полная аналогия процесса образования и отношения синхронной мотивации (присоединение аффикса ~ наличие в основе лишнего аффикса). Так, синхронные связи слов ничего не говорят о возможном калькировании, сопровождавшем процесс образования слова. При тождестве мотивирующего и производящего могут быть не идентичны синхронная структура и диахронический способ образования, например, наречия типа *зимой* образовались посредством адвербиализации формы тв. падежа мотивирующего *зима*; с синхронной же точки зрения они рассматриваются как суффиксальные слова с суффиксами, омонимичными флексиям мотивирующего слова [14, с. 400].

При наличии у слова нескольких (чаще всего двух) производящих иногда может сохраниться мотивация лишь одним из них. Ср. сохранение у слова *шиворот* мотивации лишь словом *ворот* (если принимать объяснение этого слова из **шия*, ср. *шея, жестокошивый* + *ворот* [30, I, с. 77; 31, IV, с. 436]).

1.2. Среди слов второй подгруппы различаются слова, у которых смена мотивирующего не сопровождалась изменением фонемного состава (раздел 1.2.1), — не считая, естественно, закономерных фонематических изменений, свойственных всей системе языка, и слова, у которых изменение фонемного состава имело место (раздел 1.2.2.).

1.2.1. Смена мотивирующего без изменения фонемного состава может быть обусловлена следующими причинами: а) первоначальное мотивирующее (— производящее) утрачивает значение, в котором оно являлось моти-

² Ср., например, материал, приведенный Н. М. Шанским при рассмотрении изменений в структуре слова [27, с. 174—251]. Там же дан анализ предшествующей литературы

³ Мотивированными считаются слова, имеющие в современном языке мотивирующее слово. Направление мотивации определяется на основе правил, изложенных в [28, 29].

⁴ Производными словами или словами, имевшими в русском языке производящее, называем такие слова, которые либо были образованы в русском языке (в древнерусскую, старорусскую эпоху или в новое время), либо унаследованы из праславянского языка и сохранили в русском языке живые связи со своим производящим (ср. праславянские по происхождению *братья, яблочный* и мн. др.)

вирующим (раздел 1.2.1.1.); б) первоначальное мотивирующее (= производящее) изменяет сферу своего употребления, переходит в пассивный запас и благодаря этому в современном языке воспринимается как мотивированное по отношению к тому слову, для которого оно было мотивирующим (раздел 1.2.1.2.); в) мотивированное изменяет свое значение и начинает семантически соотноситься с другим словом, которое принимает на себя функцию мотивирующего (раздел 1.2.1.3).

1.2.1.1. Первый из названных процессов имел место, например, в цепочках типа *горький* — *горчить* — *перегорчить*, *погорчить*; *кислый* — *кислить* — *окислить*, *перекислить*, *подкислить*, *раскислить*. Приведенные глаголы с префиксами были образованы от глаголов *горчить* и *кислить* в значениях «делать горьким», «делать кислым» (эти значения есть еще у Даля). С утратой этих значений глаголы с префиксами стали мотивироваться прилагательными *горький*, *кислый*, а глаголы *горчить*, *кислить*, употребляясь в значении «иметь горький (кислый) вкус», перестали быть мотивирующими для *перегорчить*, *перекислить* и т. п. Смена мотивирующих привела к изменению способа словообразования: префиксальное слово стало префиксально-суффиксальным (формант *пере-* + *-и-*).

1.2.1.2. Слова второй из групп, названных в п. 1.2.1., входят в словообразовательные пары, в которых имела место взаимозамена мотивирующего и мотивированного: мотивирующее (оно же производящее) стало мотивированным и, наоборот, мотивированное (оно же производное) превратилось в мотивирующее. Причина этого изменения состоит в возникновении стилистического различия между членами пары: бывшее мотивирующее (производящее) становится более маркированным стилистически, чем бывшее мотивированное. Используя стилистический критерий установления отношений мотивации (14, с. 133), в парах данного типа устанавливаются синхронные мотивационные отношения, обратные направлению производности. При этом производящее (бывшее мотивирующее) слово в свою очередь было производным, т. е. имело производящее.

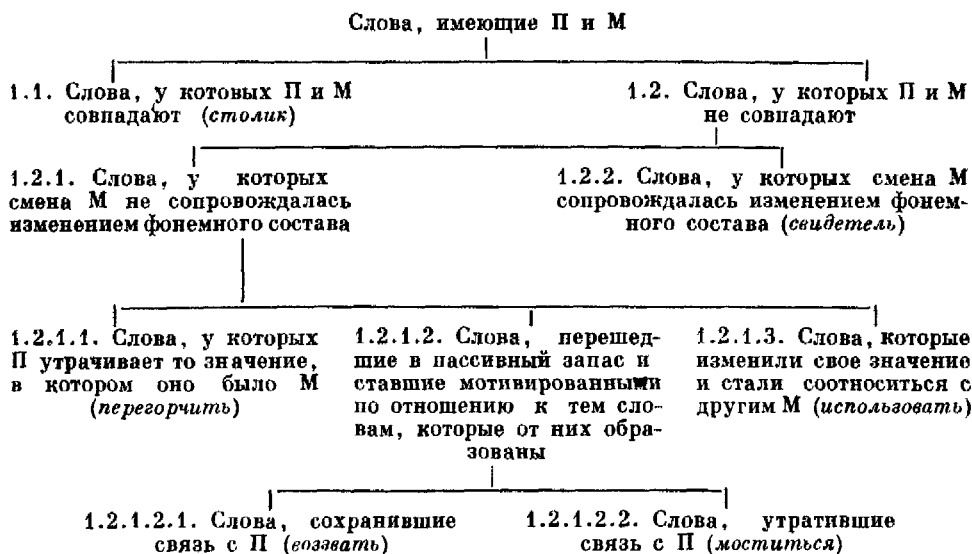
Так, слова *воззвать* (устар.), *унуть* (устар.), *казистый* (прост., устар.), *моститься* (прост.) являются производящими по отношению к более употребительным в современном языке (стилистически немаркированным или менее маркированным) *взывать*, *унывать*, *неказистый*, *примоститься*. С синхронной точки зрения стилистически более маркированные производящие слова выступают в качестве мотивированных, т. е. мотивационные отношения выглядят следующим образом: *взывать* — *воззвать*, *унывать* — *унуть*, *неказистый* — *казистый*, *примоститься* — *моститься* и относятся к обратному словообразованию (редеривации).

Таким образом, слова данной группы имеют в современном языке как производящее, так и мотивирующее. В зависимости от наличия/отсутствия синхронных связей с производящими слова данной группы делятся на две подгруппы.

1.2.1.2.1. К первой подгруппе относятся слова типа *воззвать* и *унуть*, сохранившие в современном языке семантические связи с производящими *звать* и *нуть*. Синхронные отношения в рассматриваемых цепочках выглядят следующим образом: *звать* — *взывать* — *воззвать*, *нуть* — *унывать* — *унуть*.

1.2.1.2.2. Ко второй подгруппе относятся слова типа *казистый*, *моститься*, утратившие в современном языке семантические связи с производящими *казать*, *мост*; значение слова *казистый* «видный, красивый» уже не включает компонентов «годный для показа», значение слова *моститься* «устраиваться, помещаться, располагаться» связано, видимо, с утраченным значением слова *мост* «пол, помост, настил или перекрытие в постройке» [32, 9, с. 273].

1.2.1.3. Третий процесс отражен, например, в истории слова *исполь-*

зовать, ранее означавшего «издержать на лечение» и образованного префиксальным способом от глагола *пользовать* (устар.) «лечить». С изменением значения глагола *использовать* мотивация перешла к слову *польза* [ср. *использовать* «воспользоваться кем-чем-н., употребить (употреблять) с пользой»] [ср. 33, II, 7, с. 126, 127], и слово стало префиксально-суффиксальным (формант *ис-* + *-ова-*).

Прилаг. *бесталанный*, известное в литературном языке с XVIII в. в значении «неудачливый, обездоленный; несчастный» [34], образованное от *талан* «счастье, добыча» [31, I, с. 161; 33, I, 2, с. 109], в дальнейшем было соотносено с *талант* и получило значение «не имеющий таланта» [27, с. 245]. Формант остался без изменения.

Смена мотивирующего и образование нового форманта (*-ком*) имели место у наречия *силком*, образованного от *силъкъ* «петля», и соотносённого затем с *сила* [27, с. 246].

«Старое» мотивирующее (производящее), как видно из приведенных примеров, может быть как генетически родственным, так и неродственным «новому».

1.2.2. Смена мотивирующего с изменением фонемного состава имела место также в результате семантических изменений у мотивированного слова. Известный пример: сущ. *свидетель*, по происхождению связанное с *свѣдѣти*, образованное от *свѣдѣти* [35] и означавшее знающего человека, в дальнейшем было связано с *видѣти* и стало означать видевшего человека, хотя «его общая номинативная функция в целом остается прежней» [36, с. 229]. Аналогичный процесс с той же меной *ѣ* → *и* отмечен и у слова *смиреньный*: связанное по происхождению с *мѣра*, *смѣрится*, оно стало мотивироваться словом *мир* [36, с. 229]; ср. также [31, III, с. 688—689]. Диалектное *налистники* «род блинов, которые пекутся на капустных листьях» было, по-видимому, образовано от *лѣса* «жаровня» и позднее сближено с *лист* [31, III, с. 40].

Все рассмотренные в разд. 1 отношения между производящим (П) и мотивирующим (М) могут быть суммированы следующим образом (см. схему 1).

2. Мотивированные слова, не имеющие в современном русском языке производящего (см. ниже схему 2), можно разделить на две группы. Пер-

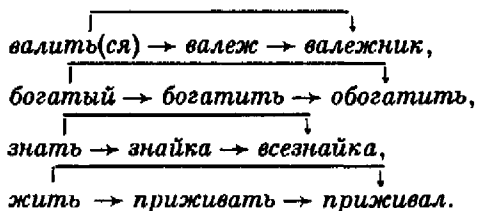
вую из них (раздел 2.1.) образуют слова, имевшие в прошлом в русском языке производящее, но утратившие его; вторую (раздел 2.2.) — слова, не имевшие производящего.

2.1. Слова, имевшие производящее, в свою очередь делятся на три подгруппы: слова, у которых мотивирующее и производящее были связаны отношениями производности (раздел 2.1.1.), слова, у которых мотивирующее и производящее не были связаны этими отношениями (раздел 2.1.2.); слова, являвшиеся производящими по отношению к тому слову, которым они мотивируются в современном языке, т. е. ставшие мотивированными по отношению к тому слову, которое от них было образовано (раздел 2.1.3.).

2.1.1. Слова, у которых мотивирующее и производящее были связаны отношениями производности, делятся на два разряда. Слова, у которых производящее образовано от мотивирующего (раздел 2.1.1.1.), и слова, у которых мотивирующее образовано от производящего (раздел 2.1.1.2.).

2.1.1.1. Слова первого из названных разрядов были образованы от несуществующего в современном литературном языке слова, а синхронно мотивируются тем словом, от которого было образовано это отсутствующее в настоящее время производящее слово. Так, сущ. *валежник* «сухие сучья, деревья, упавшие на землю» было образовано, по-видимому, от имеющегося лишь в диалектах слова *валеж* «лес, подрубленный с весны» [33, I, 3, с. 10], а мотивируется глаголами *валить*, *валиться*, от которых было образовано и производящее *валеж*. Аналогично глагол *обогащать* был образован от утраченного в 30—40-е годы XIX в. (см. [37, с. 14]) глагола *богатить* и синхронно мотивируется прилагательным *богатый*, от которого было образовано и производящее *богатить*. Сущ. *всезнайка* было образовано от утраченного *знайка* [33, I, 3, с. 197] и в настоящее время мотивируется глаголом *знать*. Сущ. *приживал* образовано от глагола *приживать*⁵, а мотивируется в современном языке глаголом *жить*. Сущ. *общение* и *уважение*, образованные, по мнению Л. Г. Свердлова [39], от глаголов *общаться* и *уважать* — видовых коррелятов к *общаться*, *уважать*, в современном языке мотивируются этими глаголами на *-ать*. Слово *выродок* образовано с помощью суффикса *-ок* от утраченного сущ. *вырод*, образованного в свою очередь с помощью нулевой суффиксации от глагола *выродить(ся)*, которое стало мотивирующим для *выродок* [33, I, 3, с. 231].

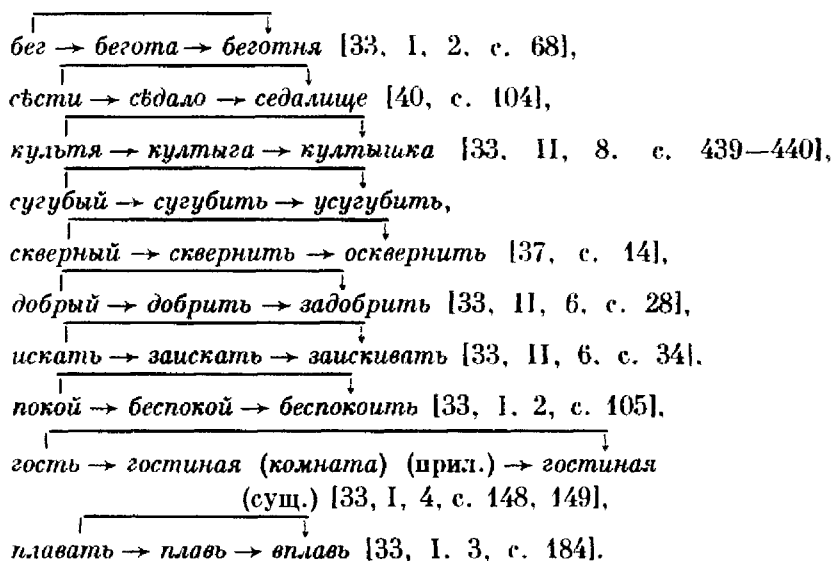
Как видим, в приведенных случаях опосредствованно мотивирующее слово превращается в непосредственно мотивирующее в связи с выпадением из словообразовательной цепочки непосредственно мотивирующего слова:

Отметим ряд аналогичных примеров (от существенных хронологических различий между явлениями в разных цепочках в данном случае отвлекаемся; некоторые из обозначенных процессов относятся, по-видимо-

⁵ Ср. употребление этого глагола в конце XIX в.: «Но что тут Коля *приживает* — это меня сердит, и мне все хочется от него отмахнуться, как от назойливой мухи. Не люблю эти флегматические, беззастенчивые в своей лени натуры *приживалов*» [38].

му, к праславянской эпохе):

В результате этих процессов в слове обычно возникают новые словообразовательные форманты: сложный суффикс (например, *-ежник*) — в том случае, если оба словообразовательных акта (*валить(ся)* — *валеж* и *валеж* — *валежник*) осуществлялись с помощью суффиксации, или смешанные форманты: а) префиксально-суффиксальный (например, *о-* + *-и-*) — в том случае, если один словообразовательный акт осуществляется с помощью суффиксации (*богатый* — *богатить*), а другой — с помощью префиксации (*богатить* — *обогатить*); б) сложно-суффиксальный формант — в том случае, если образование происходит с помощью суффиксации (*знать* — *знайка*) и сложения (*знайка* — *всезнайка*); в) в редких случаях — префиксально-суффиксально-суффиксальный (префиксация + суффиксация в *жить* — *приживать* в знач. «жить из мелости в чужом богатом доме») и суффиксация — *приживал*).

В том случае, если возникает новый «несмешанный» формант (суффикс), имеет место переразложение в морфемном составе слова, но способ словообразования не меняется (остается суффиксальным). В том случае, если возникает новый смешанный формант, изменяется способ словообразования (слово чистого способа словообразования переходит в разряд смешанных (способов). Если в мотивированном не сохраняются формальные и семантические различия между мотивирующим и производящим, то формант и способ словообразования остаются неизменными; так, в слове *уважение* нейтрализованы формальные и семантические различия между мотивирующим *уважать* и производящим *уважить*. В слове *выродок* не сохраняются различия между производящим *вырод* и мотивирующим *выродить(ся)*.

В случае возникновения нового чистого форманта морфемный состав слова меняется (переразложение), в остальных рассмотренных случаях он остается неизменным, но изменяется соотношение между морфемами и их функциями (декорреляция)⁶.

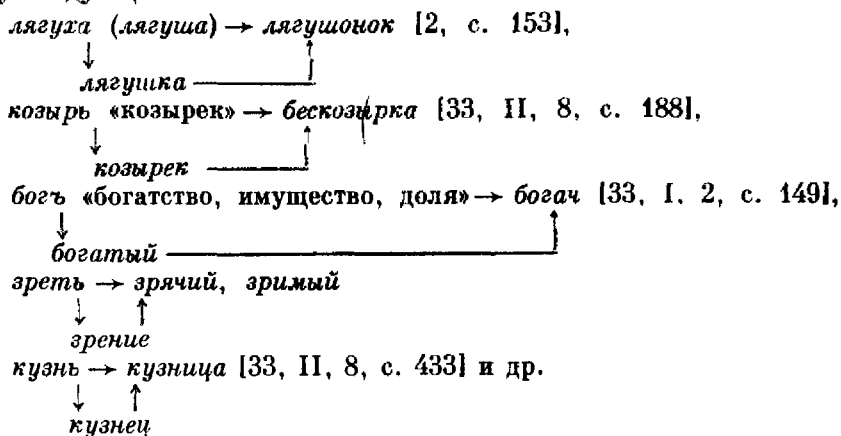
Утраченное производящее может быть заимствованным словом, находящимся в отношениях мотивации с заимствованным же исходным словом: *вагон* — *вагонет* — *вагонетка*, ср. фр. *wagon* — *wagonnet* [33, I, 3, с. 4].

⁶ Ср. подробное описание явлений переразложения и декорреляции в [27].

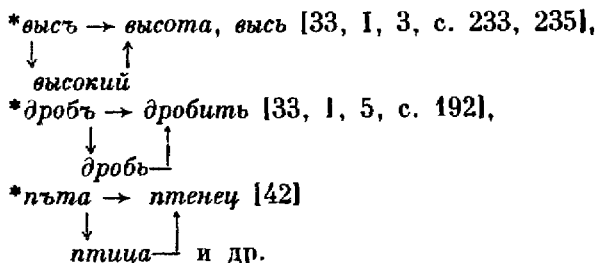
В качестве производящего может выступать утраченная форма исходного слова; с ее утратой мотивирующим становится слово во всей совокупности своих форм. Так, слово *болячка*, синхронно мотивированное глаголом *болеть*, восходит, по мнению Ж. Ж. Варбот, к основе утраченной формы действ. прич. ж. р. этого глагола — *bolec* [40, с. 99]; иное мнение — в [33, I, 2, с. 161]: *боль, боля — болякъ — болячка*. Может иметь место и образование от одной из форм утраченного производящего: *босой — босиком* (тв. п. от *босик*) — *босиком* [33, I, 2, с. 175].

Производящее слово, производное от исходного — второй член описываемых цепочек — во многих из них (при незафиксированности в источниках) может быть реконструировано с большой степенью вероятности. Так, по мнению М. Фасмера, слово *побратим*, мотивированное словом *брат*, является производным от незафиксированного **pobratiti* [31, III, с. 293].

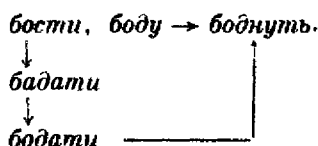
2.1.1.2. Слова второго из названных в п. 2.1.1. разрядов, подобно словам первого разряда, были образованы от не существующего в современном литературном языке слова, но в отличие от слов первой группы синхронно мотивируются тем словом, которое было образовано от этого утраченного производящего слова. Утраченное слово, таким образом, является производящим как для мотивирующего, так и для мотивированного. Например, существительные типа *крепость*, мотивированные прилагательными на *-кий* (*крепкий* и т. п.), были образованы от прилагательных без «расширения» *-к-* (*крѣпны* и т. п.), от этих же прилагательных образованы и мотивирующие типа (*крепкий* (*крѣпъкъ*)) (см. [2, с. 154]). Смена мотивирующего не изменяет морфемный состав мотивированного (явление декорреляции). Аналогичные мотивации и процессы образования имеют место у следующих слов:

В ряде случаев вероятна реконструкция незафиксированного производящего. Так, сущ. *беспалый*, очевидно, образовано от незафиксированного **palъ* (31, III, с. 191; 41, 2, с. 37) и мотивировано сущ. *палец*, также восходящим к **palъ*. Ср. также:

Указанные процессы могут осложняться промежуточными фонетическими изменениями:

Глагол *бодать*, которым мотивируется *боднуть*, производное от *бости*, образован от *бадати* посредством позднейшего «обобщения» вокализма *о* под влиянием *бости* [41, 1, с. 121; 41, 2, с. 154]. *Бадати* является закономерной итеративной формой от *бости*.

2.1.2. Вторую группу мотивированных слов, производящее которых было утрачено, образуют слова, у которых производящее и мотивирующее не были связаны отношениями производности, но имеют один и тот же корень. Эти слова образованы от слов, отсутствующих в современном языке, и синхронно мотивированы другим словом с тем же корнем; при этом оба слова (производящее и мотивирующее) образованы от одного и того же слова. Так, глагол *выстрелить*, образованный префиксальным способом от утраченного *стрѣлити*, в современном языке мотивирован глаголом *стрелять* и является префиксально-суффиксальным (формант *вы-* + *-и-*). Оба глагола — производящий (*стрѣлити*) и мотивирующий (*стрелять*) — являются суффиксальными образованиями от *стрѣла* [31, III, с. 774; 33, I, 3, с. 234]. Сущ. *верховой*, образованное посредством субстантивации от прил. *верховой*, мотивируется наречием *верхом* (*верховой* — «относящийся к передвижению верхом») и трактуется как суффиксальное. Производящее (*верховой*) и мотивирующее (*верхом*) восходят к сущ. *верх*.

В рассмотренных примерах диахронический способ образования слова отличается от способа словообразования, соответствующего его синхронным связям. Тождественность этих способов, как уже говорилось, имеет место при нейтрализации различий между производящим и мотивирующим. Так, слово *заморозки*, трактуемое Н. М. Шанским [27, с. 231, 232] как синхронно отглагольное (ср. *заморозить*), но исторически отыменное (*заморозы* «первые морозы»), и синхронно, и исторически является суффиксальным (хотя суффикс и изменил свое уменьшительно-ласкательное значение на значение действия по глаголу — явление декорреляции).

2.1.3. В третью группу мотивированных слов, имевших ранее производящее в русском языке, входят слова, мотивированные тем словом, которое было от них образовано. Как видим, отношения производности и мотивации в данных парах аналогичны отношениям в парах типа *взывать* — *воззвать*, *неказистый* — *казистый*, рассмотренным в разделе 1.2.1.2. Различие заключается лишь в том, что слова типа *воззвать*, *казистый* имеют производящее в современном языке, в то время как рассматриваемые ниже слова таких производящих не имеют. Так, слова типа *взрачный* (устар., обл.), *воспрять* (книжн., устар.), образованные от утраченных *взракъ* «внешний вид» (32, 2, с. 160), *прийтти* «принять, взять, получить» (43, II, стлб. 1502—1504), являются производящими по отношению к *невзрачный*, *воспрятие*, но в силу большей стилистической маркированности в современном языке мотивируются этими словами.

2.2. Вторая группа мотивированных слов, не имеющих в современном языке производящих слов, — слова и ранее не имевшие их в русском языке. Эта группа делится на три подгруппы: заимствованные слова, мотивированные заимствованными словами, корень которых тождествен корню мотивированного как этимологически, так и синхронно (раздел 2.2.1.), исконные и заимствованные слова, мотивированные словами, корень ко-

торых этимологически нетождествен корню мотивированного слова, т. е. ремотивированные слова (раздел 2.2.2.); слова, выступавшие ранее в роли производящего того слова, которым они синхронно мотивируются (раздел 2.2.3.).

2.2.1. Мотивирующие в парах, состоящих из заимствованных слов, не могут рассматриваться как производящие, поскольку словообразовательный процесс на русской почве между членами этих пар не имел места: оба члена были заимствованы и в заимствующем языке образовали словообразовательную пару. Это очень многочисленная группа слов. Во многих случаях нет достаточных данных для суждения о том, имело ли место заимствование обоих членов или второй член был образован с помощью иноязычного суффикса на русской почве. Ограничимся несколькими примерами: *мушкет* — *мушкетер* (фр. *mousquet* — *mousquetaire*), *вандал* — *вандализм* (фр. *vandale* — *vandalisme*), *велосипед* — *велосипедист* (фр. *vélocipède* — *vélocipediste*), *вояж* — *вояжер* (фр. *voyage* — *voyageur*), *километр* — *километраж* (фр. *kilomètre* — *kilométrage*) и т. д.

Аналогично следует трактовать и отношения в парах типа *вуаль* — *вуалетка* (ср. фр. *voile* — *voilette*), *вальс* — *вальсировать* (фр. *valse* — *valser*) и т. п., поскольку суффиксы (-к-, -прова-) на русской почве не присоединялись к первым членам этих пар, а являлись средствами переоформления иноязычных производных слов (*voilette*, *valser*). Такие пары следует отличать от пар типа *вагон* — *вагонетка*, *гувернер* — *гувернантка* (см. раздел 2.1.1.1.), второй член которых является русским суффиксальным образованием от заимствованных и впоследствии утраченных *вагонет*, *гувернант* [33, I, 2, с. 4; 33, I, 4, с. 192—193].

2.2.2. Ко второй подгруппе мотивированных слов, не имевших в русском языке производящих слов, относятся слова, соотносенные формально и семантически в русском языке со словами, этимологически им не родственными, и тем самым превратившиеся в мотивированные слова (одна из разновидностей ремотивации или народной этимологии). Фонемный состав ремотивируемого слова может либо сохраняться (раздел 2.2.2.1.), либо частично изменяться (раздел 2.2.2.2.)⁷.

2.2.2.1. Ремотивация с сохранением фонемного состава имеет место, например, у прил. *малиновый* (*звон*), восходящего к названию бельгийского города *Малин*, но соотносенного в русском языке с названием ягод; у глагола *мордовать* «избивать» (пол. *mordować* < ср.-в.-н. *morden*, 31, II, с. 654), если он синхронно ассоциируется с *морда*; у существительного *оратор* в случае его соотносения (обычно намеренно-шутливого) с глаголом *орать* и др.

Ремотивация очень часто сопровождается усложнением [27, с. 223—231]: нечленимое слово начинает члениться на морфемы: *колика*, соотносимое с *колоть*, через фр. *colique* (< ср. лат. *colica*) восходит к греч. $\kappa\omicron\lambda\iota\kappa\eta$ $\acute{\nu}\omicron\sigma\omicron\varsigma$ (боль в кишечнике, ср. $\kappa\omicron\lambda\omicron\nu$ — «член тела; толстая кишка») [45, II, с. 356; 33, II, 8, с. 200—201; 46, с. 512].

Окказионально такая ремотивация может осуществляться в комических целях, например, в так называемом «Толковом этимологическом словаре», печатавшемся в юмористической части «Литературной газеты»: *антипод* — над, *артишок* — нервное потрясение у артиллеристов, *богема* — единица измерения религиозности, *броква* — штанина, *гусар* — птичник, работник гусиной фермы и т. п. Лит. газ. 1972, 1 мая; 1972, 2 авг. и др.).

2.2.2.2. Фонетическое переоформление также имеет место в узуальных и окказиональных словах. Например, *веер*, восходящее к нем. *Fächer* «веер», преобразовано под влиянием *веять* [31, I, с. 285]; *изъян* (< тур.

⁷ Об этих видах ремотивации см. [44].

тат. *zyjan* < нов.-перс. *ziyān* «вред») — под влиянием *изъять* [31, II, с. 124]; *табакерка* (< фр. *tabatière* «табакерка») — под влиянием *табак* [31, IV, с. 5]; возможно, это изменение произошло в польск. яз., ср. польск. *tabakierka*, откуда могло быть заимствовано русск. *табакерка*), *грубиян* (< нем. *Grobian*) — под влиянием *грубый* [31, I, с. 462].

Окказиональные преобразования или преобразования, оставшиеся за пределом лексикой литературного языка, имеют место в таких случаях, как *гульвар* (*бульвар. гулять*), *полусад* (*полисадник, сад, полу-*) и мн. др.

2.3.3. К третьей группе слов, не имевших в русском языке производящих, относятся мотивированные слова, которые ранее сами выполняли роль производящего по отношению к тому слову, которое затем стало их мотивирующим (т. е. пережили изменение в отношениях мотивации, аналогичное рассмотренному в п. 1.2.1.2. и 2.1.2., но не имеют и не имели в русском языке производящего). Известны примеры таких слов, приведенные В. В. Виноградовым: «Под влиянием сближения с непроизводными глаголами типа *знать, гулять, лишать, решать* и т. п. многие отыменные глаголы, например, *делать, работать, грохотать, лепетать* и т. п. — стали осознаваться тоже как непроизводные, а соотносительные с ними имена существительные (*дело, работа, грохот, лепет* и т. п.), от которых были произведены эти глаголы, теперь сами представляются отглагольными образованиями (ср. *хохотать* и *хохот, хлопотать* и *хлопоты* и т. п.) Произшло смещение грамматических отношений» [47]; ср. также [48, 27, с. 250, 251]. Аналогичное изменение имело место в случаях *шуметь* — *шум* [31, IV, с. 486], *скрипеть* — *скрип* [31, III, с. 657, 658], *ловить* — *лов* [31, II, с. 508].

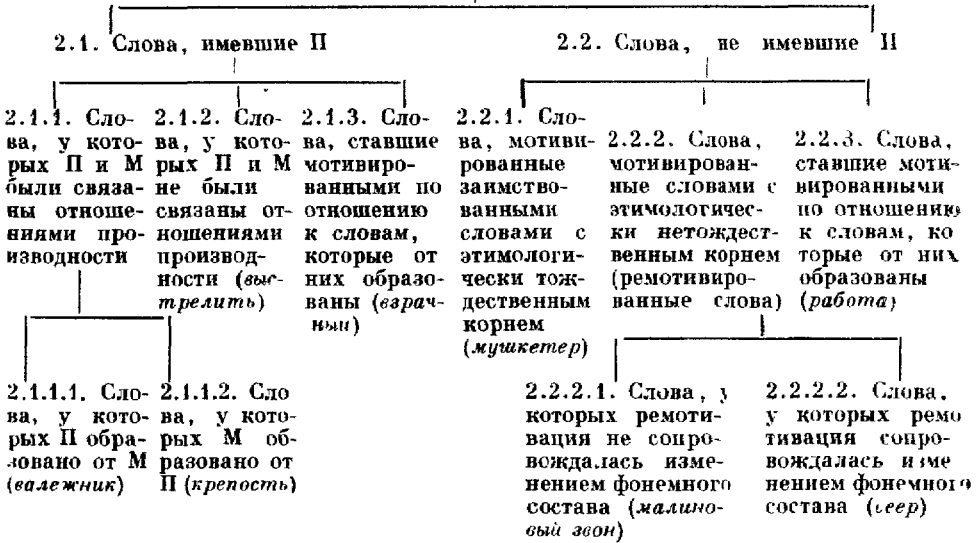
К числу слов, образование которых противоположно их мотивации, относятся и сущ. типа *зонтик, фляжка*: голл. *Zonnedek* → русск. *зонтик* → лонт. польск. *flaszka* (< *flaszka* < нем. *Flasche* «бутылка») → русск. *фляжка* → *фляга* и т. п.

Рассмотренные в разделах 1.2.1.2., 2.1.2. и 2.2.3. процессы изменения первоначального направления мотивации, соответствовавшего процессам производности, на противоположное направление заслуживает специального изучения. Приведенный материал показывает, что данное изменение происходит по крайней мере по трем причинам: 1) возникновение различий в употребительности и стилистической окраске между членами словообразовательной пары (случаи типа *вызвать* — *воззвать, унывать* — *уныть, неказистый* — *казистый, примоститься* — *моститься*); 2) влияние немотивированных слов (типа *знать, гулять*) на мотивированные (типа *делать, работать*) и превращение последних в немотивированные, а их мотивирующих (*дело, работа*) — в мотивированные (также, очевидно, не без влияния мотивированных помина *actionis*); 3) вычленение аффикса в заимствованных словах (*зонтик, фляжка*), превращение этих слов в мотивированные теми словами (*зонт, фляга*), которые возникают в результате отсечения этого аффикса в заимствованном слове.

Рассмотренные в разделе 2 мотивированные слова, не имеющие производящего в современном русском языке, могут быть суммированы следующим образом (см. схему 2).

3. Слова, имеющие в современном языке производящее, но не имеющие мотивирующего, это слова, пережившие процесс дестимологизации и переставшие соотноситься с сохранившимися словами, от которых они были образованы. Это явление подвергалось серьезному исследованию [49, 50 и др.]. Примеры известны и многочисленны, ср. *булава* — *булавка, беда* — *бедовый, палата* — *палатка, стол* — *столица, кусать* — *кусок, кадык* — *закадычный, еж* — *ежиться, стрела* — *стрелять, быть* — *лабыть* и т. п.

Слова, не имеющие П, но имеющие М

Дезтимологизация, как известно, может сопровождаться формальными изменениями (ср. *владеть* и *область* и мн. др.).

Если вслед за О. П. Ермаковой [10, с. 88—93] считать немотивированными слова типа *германий*, *менделевий* и т. п., то их также следовало бы отнести к числу слов, имеющих производящее, но не имеющих мотивирующее. Однако данные слова, по-видимому, должны быть интерпретированы в рамках теории степеней мотивации и найти место среди разновидностей слов, промежуточных между мотивированными и немотивированными. Их синхронная связь с производящими и мотивирующими *Германия*, *Менделеев* и т. п. несомненна, но семантическая выводимость производного из производящего не столь очевидна, как для полностью мотивированных слов. Вместе с тем вряд ли можно говорить о полном отсутствии семантической связи: слова *германий* и *менделевий* связаны с производящими той связью, которая отражает причины, по которым данные химические элементы при их назывании были связаны с *Германией* и *Менделеевым*. Они и названы были в расчете на сохранение этой связи.

Весьма своеобразна мотивация экспрессивных слов типа *офонареть*, *пропесочить*, *насобачиться*, *разлимониться*, *присобачить* и т. п. П. В. Матвеева [51], ср. также [44, с. 86]) называет их словами с парадоксальной внутренней формой. Связь такого рода слов с мотивирующими опирается не на логику отношений между явлениями, а на достаточно зыбкие и подвижные экспрессивные коннотации (ср. *пропесочить* — *протереть с песочком*, *насобачиться* — *собаку съест*, *офонареть* — *остолбенеть*, ср. *фонарь* — *столб* и т. п.). Вряд ли можно согласиться с М. Раммельмайером который считает мотивации типа *фонарь* — *офонареть* «чисто формальными» [52].

4. Слова, не имеющие в современном языке ни производящего, ни мотивирующего, с синхронной точки зрения делятся на членимые и нечленимые. Членимые слова в прошлом имели в русском языке производящее, ср. *говядина*, вычленившее суффикс «мяса» по аналогии со *свинина*, *лососина*, *конина* и т. п., образованное в праславянском языке от **goveǵdo* «крупный рогатый скот» [41, II, с. 73—74] и сохранявшее эту связь в дрек

нерусском языке до утраты др.-русск. *говѣдо*, имеющегося в диалектах

Глаголы типа *вложить*, *выложить* и т. п., *запрячь*, *распрячь* и т. п., вычленившиеся в современном языке префиксы, образованы от исчезнувших прасл. **ložiti* (ср. прост. и диал. *ложить*, др.-русск. *ложити* «класть» [32. 8, с. 274]), **prękti*, **pręgo* (др.-русск., ц.-слав. *пращи*, *прагу* «напрягать» [43. II, стлб. 1720]).

Нечленимые слова делятся с диахронической точки зрения на слова, имевшие в русском языке производящее слово, и слова, не имевшие производящего. К первым относятся слова типа *хитрый*, сохранившие, по-видимому, в ранний период древнерусского языка связь с производящим *гытити* [31. IV, с. 240], ко вторым — слова типа *вода*, *сын*, *дом* и мн. др., не имевшие в русском языке производящих слов, т. е. унаследованные немотивированными.

Отношение диахронической производности и синхронной мотивированности, несомненно, может быть предметом специального монографического описания. В таком описании могли бы быть вскрыты процессы, способствующие отклонению от параллелизма производности и мотивации, даны исторические объяснения многих нерегулярностей синхронно-словообразования. Специального рассмотрения заслуживает соотношение множественности мотивации и множественности производности, т. е. неоднократного и неодинакового образования одного и того же слова.

Проблематика синхронно-диахронического описания не ограничивается, естественно, соотношением между производностью и мотивированностью. Большой интерес представляло бы, например, синхронно-диахроническое описание «промежуточных зон» синхронной системы словообразования, т. е. зон, образуемых такими единицами языка, которые совмещают в себе свойства других единиц и являются фиксацией одного из этапов развития одной единицы из другой. Так, «промежуточные» словообразовательные типы, совмещающие свойства других типов, отражают процесс возникновения одного типа на базе другого. Например, глаголы типа *выловить* (*бревна из реки*) совмещают в себе значения удаления (ср. *выбросить*, *вывести*) и «получения, добычи» (*выиграть сто рублей*, *высидеть идею*, *вычитать сведения* и т. п.) и отражают процесс развития второго значения из первого⁸.

Можно надеяться, что синхронно-диахроническое описание языка будет способствовать обнаружению непознанных закономерностей развития и функционирования словообразовательного механизма русского языка.

Синхронно-диахроническое описание может рассматриваться в рамках общей концепции объяснительного описания языка, которое должно заменять описательно-констатирующее. С этой точки зрения интересно сопоставление синхронного и диахронического объяснения свойств и особенностей функционирования единиц языка, а также использование диахронического объяснения для выявления синхронных свойств единиц языка. Все эти вопросы нуждаются в специальном рассмотрении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Соболева П. А.* Асимметрия словообразовательных процессов и словообразовательных отношений // Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., 1981.
2. *Азарз Ю. С.* Об актуальной и исторической производности слова // Восточные славяне. Языки, история, культура. М., 1985.
3. *Коряковцева Е. И.* История транспозиционных словообразовательных отношений имени и глагола в русском языке (На материале безаффиксных имен действия и глаголов на *-оватъ*): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
4. *Кашани М. Э.* Структура и история образования отыменных прилагательных

⁸ Подробнее см. [53].

- (На материале прилагательных с локально-темпоральными префиксами и суффиксом): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
5. *Laskowski R.* Problematyka słowotwórcza w gramatyce transformacyjno-generatywnej // *BPTJ*. 1973. XXXI.
 6. *Aronoff M.* Word formation in generative grammar. Cambridge (Mass.). 1976.
 7. *Lubaszewski W.* Struktura morfemowa polskiego czasownika (próba opisu generatywnego). Wrocław etc., 1982.
 8. *Милославский И. Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
 9. *Кубрякова Е. С.* Динамическое представление синхронной системы языка // Гр поэза в современной лингвистике. М., 1980.
 10. *Ермакова О. П.* О соотношении понятий *производность* и *мотивированность* // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы V Республиканской научной конференции. Ташкент, 1989.
 11. *Трубачев О. Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
 12. *Максимов В. И.* Еще раз о грамматической теории и практике обучения языку // ВЯ. 1980. № 1.
 13. *Николаев Г. А.* Русское историческое словообразование. Казань, 1987. С. 9, 10
 14. *Русская грамматика*. Т. I. М., 1980.
 15. *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. Т. II: Исторический комментарий. Киев, 1953.
 16. *Шмелев Д. Н.* Архаические формы в современном русском языке. М., 1960.
 17. *Тихонов А. Н.* Синхрония и диахрония в словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972.
 18. *Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка*. М., 1966. С. 56, 57.
 19. *Максимов В. И.* Грамматическая теория и практика изучения языка // ВЯ. 1977 № 1.
 20. *Железнова Р. В.* Из истории личных имен существительных в русском литературном языке (XI—XX вв.). Душанбе, 1988. С. 50.
 21. *Допатин В. В., Улужанов И. С.* Теория грамматики и практика грамматического описания // ВЯ. 1978. № 1.
 22. *Способы номинации в современном русском языке*. М., 1982.
 23. *Worth D. S., Kozak A. S., Johnson D. B.* Russian derivational dictionary. N. Y., 1970.
 24. *Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1970—1973 гг. Словообразование*. М., 1978. С. 103—105.
 25. *Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф.* Словарь морфем русского языка. М., 1986.
 26. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985.
 27. *Шанский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
 28. *Улужанов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977. С. 22—34.
 29. *Краткая русская грамматика*. М., 1989. С. 40, 41.
 30. *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Т. I, II. М., 1910—1914.
 31. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973.
 32. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 1—17. М., 1975—1991.
 33. *Этимологический словарь русского языка*. МГУ. Т. I, II. М., 1963—1982.
 34. *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 2. Л., 1985. С. 13.
 35. *Краткий этимологический словарь русского языка*. М., 1961. С. 297.
 36. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык: Лексика. М., 1977. С. 229.
 37. *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века*. Глагол, наречие, предлоги и союзы. М., 1964. С. 14.
 38. *Терстия С. А.* Дневники. Т. I. М., 1978. С. 283.
 39. *Свердлов Л. Г.* О некоторых отглагольных именах существительных. // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV. М., 1963. С. 112—114.
 40. *Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969.
 41. *Этимологический словарь славянских языков*. Праславянский лексический фонд. Вып. 1—15. М., 1974—1988.
 42. *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. М., 1977. С. 111.
 43. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1895.
 44. *Блинова О. И.* Явление мотивации слов. Томск, 1984. С. 66—71.
 45. *Słowski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. II. Kraków, 1958—1965.
 46. *Этимологічний словник української мови*. Т. 2. Київ, 1985.
 47. *Виноградов В. В.* Русский язык. М.; Л., 1947. С. 433, 434.
 48. *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956. С. 65—66.
 49. *Булаховский Л. А.* Деэтимологизация в русском языке // Булаховский Л. А. Избр. труды: В 5-ти т. Т. III. Киев, 1978.

50. *Аркадьева Т. Г.* Деэтимологизация и ее обусловленность в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973.
51. *Матвеева Т. В.* Парadoxальная внутренняя форма слова (На материале диалектных глаголов) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. VIII. Новосибирск, 1979. С. 119.
52. *Rammelmeyer M.* Emotion und Wortbildung. Untersuchungen zur Motivationsstruktur der expressiven Wortbildung in russischen Umgangssprache // Gattungen in den slavischen Literaturen. Köln; Wien, 1988.
53. *Улуханов И. С.* О некоторых промежуточных явлениях в словообразовании (к соотношению синхронии и диахронии) // Актуальные проблемы русского словообразования Самарканд, 1972.